Поль Феваль

Горбун, или Маленький Парижанин

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Ф 31

Paul Féval
LE BOSSU, OU LE PETIT PARISIEN

Перевод с французского Леонида Цывьяна (части 1, 2, 3, 4 (главы I, II))
и Ивана Русецкого (части 4 (главы III–X), 5, 6)

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрация на форзаце Павла Парамонова

Феваль П.

Ф 31 Горбун, или Маленький Парижанин : роман / Поль Феваль ; пер. с фр. И. Русецкого, Л. Цывьяна. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 768 с. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-35346-6

Поль Феваль — французский писатель, автор популярных приключенческих романов, при жизни пользовался колоссальной известностью, сравнимой с известностью Дюма и Бальзака. Его романы «плаща и шпаги», благодаря необычайным сюжетам и неистощимой фантазии автора, выдерживали десятки переизданий и переводились на многие языки мира. В настоящий том вошел самый известный роман Феваля о похождениях непобедимого шевалье де Лагардера «Горбун, или Маленький Парижанин». Читатель найдет здесь все необходимые черты увлекательного приключенческого романа: динамичность повествования, таинственные перевоплощения, жестокие поединки, придворные интриги и, разумеется, любовные перипетии.

Текст романа сопровождается иллюстрациями из оригинальных французских изданий XIX века.

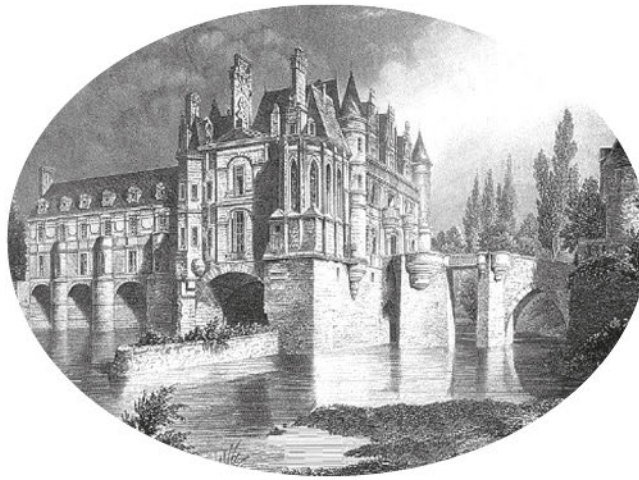
УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

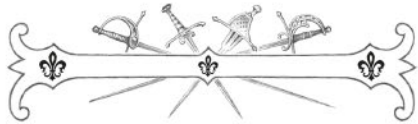
© И. Г. Русецкий (наследник), перевод, 2026
© Л. М. Цывьян (наследник), перевод, 2026
© П. Л. Парамонов, иллюстрации, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-35346-6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мастера клинка

I
ДОЛИНА ЛУРОН

В древности здесь был город Лорр — город с языческими храмами, амфитеатрами и Капитолием. Теперь это пустынная долина, и ленивый плуг гасконского пахаря словно боится затупить свой железный лемех о мрамор укрытых в земле колонн. Совсем рядом горы. Прямо перед вами высокая цепь Пиренеев возносит заснеженные вершины, а сквозь глубокий разлом, который служит дорогой для венаскских контрабандистов, видно лазурное испанское небо. В нескольких лье отсюда Париж кашляет, танцует, смеется и мечтает вылечить свой неизлечимый бронхит водами источников Баньер-де-Люшона, а немножко дальше, по другую сторону, Париж, но уже ревматический, истово верит, что оставит свои ишиасы на дне серных ванн Бареж-ле-Бена. Париж всегда спасала и будет спасать вера, а вовсе не железо, сера или магнезия.

Итак, мы в долине Лурон, расположенной между долинами Ор и Барусс и, пожалуй, наименее известной завзятым туристам, которые ежегодно приезжают открывать эти девственные места; в долине Лурон с ее цветущими оазисами, изумительными потоками, причудливыми скалами и бурой Кларабидой, рекой, струящей свой темный хрусталь меж обрывистых берегов, со странными лесами и старинным замком — кичливым, тщеславным и неправдоподобным, как рыцарский роман.

Спускаясь с горы левее разлома по склону невысокого пика Вежан, вы сразу всю ее охватываете взором. Долина Лурон — это передовой отряд Гаскони. Она врезается клином между лесом Эн и красивейшими Фрешескими лесами, что через долину Барусс соединяют райские уголки Молеона, Неста и Кампана.

Почва здесь бедная, но пейзажи богатейшие. Почти всюду местность изрезана горными ручьями, которые, прорыв русла через лужайки, обнажили корни гигантских буков и подножия отвесных обрывистых скал, в которые сверху донизу впились цепкие корни сосен. Какой-то троглодит выкопал себе обиталище у основания утеса, а не то проводник, не то пастух прилепил свое жилье на столь скалистом гребне, что в голову так и лезет мысль об орлином гнезде.

Лес Эн покрывает отрог холма, который внезапно обрывается посреди долины, чтобы дать проход Кларабиде. Восточная оконечность этого холма представляет собой обрывистый склон, по которому никому не под силу проложить тропинку. Горное это образование идет встречь окрестным хребтам. Оно перегородило бы долину от горы до горы, словно гигантская баррикада, если бы этому не воспротивилась река.

В здешних краях это чудесное место называют *le Hachaz* — «ле Ашаз», то есть «удар секирой». Естественно, существует и соответствующая легенда, но мы не станем вам ею докучать. Именно здесь некогда возносился Капитолий города Лорра, давшего, вне всяких сомнений, имя Луронской долине. И здесь до сих пор еще сохранились развалины замка Келюс-Таррид.

Издалека развалины эти производят сильное впечатление. Они занимают довольно большое пространство, и уже шагов за сто от Ашаза между деревьями видны израненные верхушки старинных башен. А вблизи это похоже на укрепленное селение. Повсюду руины заросли деревьями, а одной ели пришлось, чтобы вырасти, пробить свод из тесаного камня. Но большая часть развалин являет собой остатки достаточно скромных строений, в которых дерево и убитая глина частенько заменяют гранит.

Предание гласит, что один из Келюс-Тарридов (такова фамилия этой ветви, весьма влиятельной благодаря главным образом своим огромным богатствам) велел возвести валы вокруг небольшого селеньица Таррид, чтобы защитить своих гугенотских вассалов после перехода Генриха IV в католичество[1]. Зва-

[1] В 1593 г. Генрих Наваррский, глава французских протестантов (гугенотов), принял католичество и благодаря этому стал королем Франции под именем Генриха IV. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ли его Гастон де Таррид, и был он обладателем баронского титула. Если вы приедете к развалинам Келюса, вам покажут дерево барона.

Это дуб. Он врос корнями в землю на краю старинного рва, защищавшего замок с запада. Однажды ночью в него ударила молния. К тому времени это было уже большое дерево, и оно рухнуло поперек рва. Так оно и осталось лежать, питаясь соками благодаря коре, единственно уцелевшей в месте разлома. Но интереснее всего то, что один из побегов футов в тридцати-сорока от края рва пошел вверх от ствола. Он разросся и превратился в великолепный дуб, в висячий чудо-дуб, на котором тысячи две с половиной туристов уже вырезали свои имена.

К началу XVIII века род Келюс-Тарридов пресекся в лице Франсуа де Таррида, маркиза де Келюса, одного из действующих лиц нашего повествования. В 1699 году маркизу было около шестидесяти. В начале царствования Людовика XIV он прибыл ко двору, но не преуспел там и с неудовольствием удалился. С той поры он жил в своих владениях с единственной дочерью, красавицей Авророй де Келюс. В тех местах его прозвали Келюс На Засове. И вот почему.

На сороковом году маркиз, живший вдовцом после смерти первой жены, которая не одарила его детьми, влюбился в дочку графа де Сото-Майора, губернатора Памплоны. Инес де Сото-Майор исполнилось семнадцать. Это была истая дочь Мадрида со взором, исполненным огня, и сердцем, еще более пламенным, чем глаза. О маркизе ходили слухи, что его первая жена, все время жившая взаперти в старинном замке и умершая двадцати пяти лет от роду, была с ним не слишком счастлива. Инес объявила отцу, что никогда не выйдет за этого человека. Но в тогдашней Испании, которую мы знаем по драмам и комедиям, сломить волю юной девушки было куда как несложно. Ежели верить авторам водевилей, алькальды, дуэньи, пройдохи слуги и даже сама святейшая инквизиция существовали только ради этого. И вот однажды вечером печальная Инес, укрывшись за жалюзи, в последний раз слушала серенаду младшего сына коррехидора, чудесно игравшего на гитаре. На следующий день она уезжала с маркизом де Келюсом во Францию. Маркиз взял

Инес без приданого и, мало того, вручил господину де Сото-Майору уж не знаю сколько тысяч пистолей.

Испанский граф, более родовитый, чем король, и еще более безденежный, чем родовитый, не сумел устоять перед таким подходом. Когда маркиз привез в замок Келюс свою прекрасную испанку, сокрытую под длинной мантильей, молодых дворян из Луронской долины охватило лихорадочное возбуждение. Тогда еще не было туристов, этих странствующих ловеласов, похищающих сердца провинциалок всюду, куда в поисках удовольствий им удается проехаться по сниженному тарифу, но непрекращающаяся война с Испанией привлекала на границу многочисленные отряды добровольцев, так что маркизу пришлось держать оборону.

И он держал ее, он отважно принял все условия соперничества. Поклоннику, решившему попытаться завоевать прекрасную Инес, первым делом следовало обзавестись осадными орудиями. И речь тут идет не только о сердце, потому что сердце находилось под прикрытием крепостных стен. Нежные записки оказывались бессильны, страстные взгляды теряли свою пламенность и томность, и даже гитара ничего не могла сделать. Прекрасная Инес была недоступна. Ни один из воздыхателей, будь то охотник на медведей, мелкопоместный дворянчик или капитан, не мог даже похвастаться тем, что видел, какого цвета у нее глаза.

Вот какую оборону держал маркиз. Года через три-четыре несчастная Инес наконец пересекла порог этого ужасного замка — пересекла, чтобы отправиться на кладбище. Она умерла от одиночества и тоски. После нее осталась дочка.

Воздыхатели, разъяренные своим поражением, дали маркизу прозвище Келюс На Засове. От Тарба до Памплоны, от Аржелеса до Сен-Годенса не нашлось бы ни мужчины, ни женщины, ни даже ребенка, который звал бы маркиза иначе как Келюс На Засове.

После смерти второй жены он сделал попытку жениться еще раз, поскольку обладал счастливой натурой Синей Бороды и не падал духом, но у губернатора Памплоны дочерей больше не было, а репутация господина де Келюса была уже настолько

устоявшейся, что даже самые неустрашимые среди девиц на выданье отвергали его поползновения.

Он остался вдовцом и с нетерпением ждал, чтобы дочь его достигла возраста, когда ее нужно будет посадить под засов. Окрестные дворяне недолюбливали его, и ему нередко, невзирая на его богатство, недоставало общества. Скука гнала маркиза из его цитадели. Он приобрел привычку каждый год ездить в Париж, где молодые придворные занимали у него деньги и насмехались над ним.

Во время его отсутствия Аврора оставалась под надзором не то двух, не то трех дуэний и старика-кастеляна.

Аврора была такая же красавица, как ее мать. В жилах ее текла испанская кровь. Когда ей исполнилось шестнадцать, мирные жители деревушки Таррид частенько в темные ночи слышали, как заливаются сторожевые псы замка Келюс.

В ту пору Филипп Лотарингский, герцог де Невер, один из блистательнейших вельмож французского двора, приехал в свой замок Бюш, что находится в Жюрансоне. Ему было всего двадцать лет, но, слишком рано изведав все радости жизни, он приехал сюда, умирая от болезни, именуемой хандрой. Вид гор благотворно подействовал на него, и через несколько недель пребывания на лоне природы его охотничьи экипажи добрались до Луронской долины.

В первый раз, когда в замке Келюс лаяли ночью собаки, юный герцог де Невер, изнуренный усталостью, попросил в лесу Эн приюта у дровосека.

Де Невер прожил в замке Бюш целый год. Пастухи из Таррида рассказывали, что он был весьма щедрый дворянин.

Пастухи из Таррида рассказывали и о двух событиях, происшедших во время его пребывания в этих местах. Однажды в полночь в окнах старинной церкви замка Келюс был виден свет.

Собаки не лаяли, но какая-то тень, которую жители деревушки частенько видели и потому вскоре стали узнавать, скользнула в ров, как только спустились сумерки. В старинных замках полным-полно призраков.

А еще как-то госпожа Марта, не самая старая из дуэний мадемуазель де Келюс, в одиннадцать вечера выскочила через

главные ворота замка и побежала в хижину дровосека, гостеприимством которого недавно пользовался герцог де Невер. Чуть позже через лес пронесли портшез. А еще чуть позже из хижины дровосека послышались женские крики. На следующий день этот славный человек исчез. Хижину свою он бросил на произвол судьбы. В тот же день госпожа Марта покинула замок Келюс.

С тех пор прошло четыре года. Никто больше не слышал ни о дровосеке, ни о Марте. Филипп де Невер тоже не появлялся в своем замке Бюш. Зато долину Лурон почтил своим присутствием другой Филипп, вельможа не менее блистательный. То был Филипп Поликсен Мантуанский, принц Гонзаго, которому маркиз де Келюс собирался отдать в жены свою дочь Аврору.

Тридцатилетний Гонзаго внешность имел несколько женственную, но в то же время был на редкость красив. Вряд ли можно было встретить осанку благороднее, чем у него. Черные, шелковистые, блестящие волосы мягко ниспадали вдоль белого — белей, чем у женщин, — лица, что придавало прическе ту пышность и как бы тяжесть, каких придворные Людовика XIV добивались, прибавляя к тому, что им было даровано от природы, парик, сделанный из волос двух, а то и трех человек. Взгляд его черных глаз был, как у всех уроженцев Италии, ясен и горделив. Он был высок, прекрасно сложен, а его жестам и походке была присуща некоторая театральная величественность.

Мы не станем ничего говорить про дом, к которому он принадлежал. Имя Гонзаго звучит в истории так же громко, как имена Буйон, Эсте и Монморанси[1]. Его дружеские связи не уступали благородству его рождения. У него было два друга, два брата — один из Лотарингского дома, другой — Бурбон. Герцог Шартрский, племянник Людовика XIV, будущий герцог Орлеанский и регент Франции, а также герцог де Невер и принц Гонзаго были неразлучны. При дворе их звали «три Филиппа».

[1] *Гонзаго* — итальянский княжеский род, правивший Мантуей в 1328–1708 гг. *Буйоны* — герцогский род во Франции, один из представителей которого, Годефруа (1058–1100), был вождем I Крестового похода и стал иерусалимским королем. *Эсте* — итальянский княжеский род, правивший Моденой, Феррарой и Реджо. *Монморанси* — знатный французский род, давший Франции многих государственных деятелей и полководцев.

Взаимная их привязанность была столь безмерна, что на память приходили великие образцы дружбы, дарованные нам античностью.

Филипп Гонзаго был самым старшим. Будущему регенту было двадцать четыре, а Невер был годом младше его.

Можно себе представить, как льстила тщеславию старого Келюса надежда заполучить такого зятя. Ежели верить слухам, у Гонзаго были огромные владения в Италии; более того, он был двоюродным братом и единственным наследником Невера, о котором все говорили, что ему суждено умереть молодым. А Филипп де Невер, единственный представитель своего рода, располагал богатейшими владениями во Франции.

Разумеется, никто и помыслить не мог, что принц Гонзаго жаждет смерти своего друга, однако не в его силах было воспрепятствовать ей, а в этом случае он становился обладателем состояния в десять, а то и двенадцать миллионов.

Тесть и зять уже почти сговорились. Что же касается Авроры, ее мнения даже не спросили. Метода Келюса На Засове!

Стоял дивный осенний день, и было это в 1699 году. Людовик XIV постарел и устал от войн. Только что был подписан Рисвикский мир[1], но стычки на границе между волонтерами продолжались, и в Луронской долине было тоже немало этих не слишком приятных гостей.

В столовой замка Келюс за богато накрытым столом сидело с полдюжины сотрапезников. У маркиза было немало пороков, но угостить он умел.

Кроме маркиза, Гонзаго и мадемуазель де Келюс, занимавших верхний конец стола, все прочие были люди незначительные, состоящие на службе. Во-первых, там сидел дон Бернар, священник замковой церкви, которому было поручено пастырское попечение над душами жителей деревушки Таррид и у которого в ризнице хранилась книга, куда записывались все смерти, рождения и браки; затем госпожа Изидора с мызы Габур, ко-

[1] Мир, заключенный в 1697 г. Францией с коалицией, в которую входили Голландия, Англия, Испания и Священная Римская империя, и завершивший войну 1688–1697 гг. По условиям мира Франция возвращала все территории, захваченные ею в Испании, Нидерландах и Германии.

торая заменила госпожу Марту и исполняла те же обязанности, и, наконец, сьер Пероль, дворянин, приближенный принца Гонзаго.

Нам придется ближе познакомиться с ним, потому что он занимает значительное место в нашем повествовании.

Господин де Пероль был человек средних лет с худым, бледным лицом, редкими волосами, высокий, но несколько сутуловатый. В наши дни человека подобного типа трудно было бы представить себе не в очках, однако в ту эпоху такой моды еще не существовало. У него были невыразительные, как бы стертые черты, глаза близорукие, но взгляд наглый. Гонзаго утверждал, что Пероль весьма умело действует шпагой, каковая и висела у него на левом боку.

Вообще Гонзаго всячески превозносил его; чувствовалось, что он нуждается в Пероле.

Остальных сотрапезников, служивших у де Келюса, можно рассматривать как чистых статистов.

Мадемуазель де Келюс исполняла свои обязанности хозяйки с молчаливым и холодным достоинством. Можно утверждать, что обычно женщины, даже самые красивые, таковы, какими их делает чувство. Иная может быть обворожительна с тем, кого любит, но почти невыносима для других. Аврора же принадлежала к тем женщинам, которые нравятся вопреки их желанию и которыми восхищаются наперекор им самим.

Она была в испанском наряде. Три ряда кружев ниспадали среди волн ее черных как смоль волос.

И хотя ей еще не было двадцати, чистые и благородные линии ее губ уже выдавали затаенную печаль, но сколько света, должно быть, рождала вокруг ее юных уст улыбка и как, должно быть, лучились при этом ее глаза, затененные шелком длинных изогнутых ресниц!

Однако очень много дней уже никто не видел на устах Авроры улыбки.

Отец, бывало, говаривал:

— Все изменится, когда она станет принцессой Гонзаго.

К концу второй перемены Аврора встала и попросила разрешения удалиться. Госпожа Изидора с сожалением глянула на

принесенные пирожки, печенья и варенья. Долг вынуждал ее последовать за своей юной госпожой. Как только Аврора вышла, маркиз принял более игривый вид.

— Принц, — сказал он, — вы собирались отыграться в шахматы... Вы готовы?

— Всегда к вашим услугам, дорогой маркиз, — ответил Гонзаго.

По приказу де Келюса принесли столик и шахматную доску. За те две недели, что принц провел в замке, начинающаяся партия была уже, наверное, сто пятидесятой.

Подобная любовь к шахматам у Гонзаго, дожившего до тридцати лет, да еще при его имени и внешности, давала пищу для размышлений. Одно из двух: либо он был без памяти влюблен в Аврору, либо очень хотел пополнить ее приданым свои сундуки.

Каждый день после обеда и после ужина приносилась шахматная доска. Милейший маркиз На Засове игроком был весьма слабым. Каждый день Гонзаго позволял ему выигрывать с десяток партий, после чего торжествующий Келюс, не покидая поля боя, задремывал в своем кресле и храпел, как праведник.

А Гонзаго в это время ухаживал за мадемуазель Авророй де Келюс.

— Сегодня, принц, — объявил маркиз, расставляя фигуры, — я покажу вам комбинацию, каковую нашел в ученом трактате Чессоли. Я ведь играю не так, как прочие: я стараюсь черпать из надежных источников. Не всякий вам скажет, что шахматы были придуманы Атталом[1], царем Пергамским, дабы развлечь греков во время долгой осады Трои. И только невежды либо люди злонамеренные приписывают честь этого изобретения Паламеду...[2] Итак, начинаем. Прошу вас, будьте внимательней.

— Я даже выразить не могу, маркиз, — промолвил Гонзаго, — какое удовольствие доставляет мне играть с вами.

---

[1] *Аттал* — имя трех царей Пергамского царства в Малой Азии, правивших в III–II вв. до н. э., поэтому ни один из них не мог участвовать в Троянской войне.

[2] *Паламед (миф.)* — сын царя Навплия, участник Троянской войны. Ему приписывают изобретение алфавита, чисел, мер длины и веса, а также игр в шашки и кости, чтобы скрасить воинам долгую осаду.

Они сделали первые ходы. Сотрапезники пока еще оставались с ними.

После первой проигранной партии Гонзаго сделал знак Перолю, тот отложил салфетку и вышел. Постепенно священник и остальные последовали его примеру. Келюс и Гонзаго остались одни.

— Латиняне, — продолжал старик, — называли эту игру *latrunculi,* то есть воришки. Греки же называли ее *zatrikion.* Сарразен[1] в своем великолепном творении замечает...

— Маркиз, — прервал его Филипп Гонзаго, — прошу прощения за невнимательность. Вы не позволите мне вернуть ход?

Нечаянно он только что сделал пешкой ход, который приносил ему победу. Первым побуждением Келюса На Засове было отказать, но великодушие победило.

— Пожалуйста, принц, — позволил он, — но только, умоляю вас, будьте внимательней. Шахматы — серьезная игра.

Гонзаго испустил глубокий вздох.

— Понимаю, понимаю, — игривым тоном заметил маркиз. — Мы влюблены.

— До потери рассудка!

— Знаю, принц. И все же будьте внимательней. Я беру вашего слона.

— Вы вчера так и не досказали историю про того дворянина, который хотел проникнуть к вам в дом, — промолвил Гонзаго с таким видом, словно пытался отогнать тягостные мысли.

— А, хитрец! — воскликнул де Келюс. — Вы хотите отвлечь меня! Но ведь я подобен Цезарю, который мог диктовать одновременно пять писем. Кстати, вам известно, что он играл в шахматы?.. Ну а тот дворянин получил с полдюжины ударов шпагой там, во рву. Подобное приключение имело место не единожды, и клеветники так никогда и не получили возможности почесать язык насчет поведения обеих маркиз де Келюс.

— Вы так поступали, будучи супругом, маркиз, но стали бы вы так же действовать в качестве отца? — небрежно осведомился Гонзаго.

---

[1] *Жан Франсуа Сарразен* (1614–1654) — французский поэт. Имеется в виду его сочинение «Мнение о происхождении слова „шахматы“ и игры в них».

— Ну разумеется! — ответствовал маркиз. — Я просто не знаю иного способа оберегать дщерей Евы... *Schah mato,* принц, как говорят персы! Вы опять проиграли.

Он откинулся в кресле:

— Эти два слова, *schah mato,* означающие «король убит», мы, согласно Менажу и Фрере[1], превратили в «шах» и «мат». Что же касается женщин, добрые рапиры вокруг добрых стен — вот наилучшая порука добродетели.

Он закрыл глаза и задремал. Гонзаго торопливо вышел из столовой.

Было около двух пополудни. Де Пероль в ожидании хозяина прохаживался по коридору.

— Что наши молодцы? — тут же задал ему вопрос Гонзаго.

— Шестеро уже прибыли, — отвечал Пероль.

— Где они?

— В кабачке «Адамово яблоко» по ту сторону рвов.

— А кого еще нет?

— Мэтра Плюмажа-младшего из Тарба и брата Галунье, его помощника.

— Превосходные шпаги! — бросил принц. — А в остальном?

— Марта сейчас находится у мадемуазель де Келюс.

— С ребенком?

— Да.

— Как она прошла?

— Через нижнее окно в баню, которое выходит под мостом в ров.

Задумавшись на секунду, Гонзаго спросил:

— Ты спрашивал у дона Бернара?

— Он молчит как рыба, — ответил Пероль.

— Сколько ты ему посулил?

— Пятьсот пистолей.

— Эта Марта должна знать, где находится запись... Ее нельзя выпускать из замка.

---

[1] *Жиль Менаж* (1613–1692) — французский ученый и литератор. *Никола Фрере* (1688–1749) — французский историк и лингвист. См.: Dictionnaire etymologique de la langue françoise [sic], par M. [Gilles] Ménage (Nouv. éd.: Paris, 1750, t. 1, p. 503); Œuvres complètes de Fréret. Sciences et arts (Paris, 1796, p. 130–131).

— Хорошо, — кивнул Пероль.

Гонзаго расхаживал по коридору.

— Я хочу сам поговорить с ней, — пробормотал он. — А ты уверен, что мой кузен де Невер получил послание Авроры?

— Письмо ему доставил наш немец.

— И Невер приедет?

— Сегодня вечером.

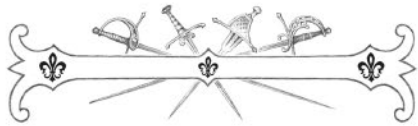
Сейчас они стояли у дверей покоя Гонзаго.

В замке Келюс под прямым углом сходились три коридора — главного корпуса и двух боковых крыльев.

Комната принца располагалась в западном крыле, из которого по лестнице можно было спуститься в ров. Из центральной галереи донесся шум. Это Марта вышла из покоев мадемуазель де Келюс. Пероль и Гонзаго поспешно укрылись в комнате принца, но дверь оставили приоткрытой.

Марта торопливо шла по коридору. Было светло, но испанский обычай пересек Пиренеи, и то был час сиесты. В замке Келюс все спали. Поэтому Марта имела все основания надеяться, что никакие нежелательные встречи ей не грозят.

Когда Марта проходила мимо комнаты принца, Пероль внезапно набросился на нее и, не дав закричать, зажал рот своим носовым платком. Затем схватил в охапку и втащил, полумертвую от страха, в комнату своего господина.

II
ПЛЮМАЖ И ГАЛУНЬЕ

Один ехал верхом на старой рабочей кляче с длинной спутанной гривой и мосластыми мохнатыми ногами; второй — на осле, посадкой напоминая священника, путешествующего на своем длинноухом скакуне.

Первый держался гордо, невзирая на весьма жалкий вид своего россинанта, уныло склонившего голову чуть ли не до земли. На нем была кожаная куртка на шнуровке с нагрудником в форме сердца, сапоги с отворотами, однако своей воронкообразной формой они весьма смахивали на те, что были в моде при Людовике XIII. Кроме того, на голове у него была фетровая шляпа, лихо сдвинутая на ухо, а на боку висела предлинная рапира. То был мэтр Плюмаж-младший, уроженец Тулузы, некогда учитель фехтования в Париже, ныне обосновавшийся в Тарбе, где он и влачил скудное существование.

Второй выглядел робким и скромным. По одежде он мог бы сойти за бедного писца: на нем был черный прямой, как подрясник, балахон, почти скрывающий тоже черные, но лоснящиеся от старости штаны. Голову его защищал шерстяной колпак, заботливо натянутый почти на уши, а обут он был, несмотря на изнурительную жару, в башмаки на меху.

В отличие от мэтра Плюмажа-младшего, обладателя богатейшей черной и курчавой, как у негра, шевелюры, к тому же в этот миг изрядно взлохмаченной, из-под колпака его спутника свисало лишь несколько неопределенно-белесого цвета прядей. Закрученные кверху усищи учителя фехтования столь же отличались от десятка жалких волосков, торчащих под длинным носом его помощника.

Да, этот смирный странник был помощником мэтра Плюмажа, и мы удостоверяем, что при случае он весьма лихо действовал чудовищной шпагой, которая сейчас била по боку его осла. Звали его Амабль Галунье. Родиной его был Вильдьё в Нижней Нормандии, городок, оспаривающий у знаменитого селения Конде-сюр-Нуаро славу поставщика наилучших бойцов. Друзья частенько называли его «брат Галунье» — то ли по той причине, что выглядел он как церковный служка, то ли оттого, что, прежде чем опоясаться шпагой, он был слугой у цирюльника и подручным в химической лаборатории. Все в нем было уродливо, кроме чувствительного блеска, вспыхивающего в крохотных синих глазках, помаргивавших всякий раз, когда тропинку пересекала красная бумазейная юбка. В отличие от него, Плюмаж в любой стране мог сойти за красавчика.

Они медленно трусили под южным солнцем. Кляча Плюмажа старательно обходила любой камешек, валяющийся на дороге, а серый брата Галунье через каждые двадцать пять шагов начинал артачиться.

— Ты посмотри, дорогуша, — произнес Плюмаж с явным гасконским акцентом, — этот чертов замок на той проклятой горе маячит перед нами уже два часа. У меня впечатление, что он удаляется с такой же скоростью, с какой мы приближаемся к нему.

— Успокойся, — по-нормандски певуче и в нос отвечал Галунье. — Все равно мы будем там гораздо раньше, чем нам придется приступить к делу.

— Ризы Господни! — вздохнул Плюмаж. — Да веди мы себя поумней, брат Галунье, мы с нашими талантами сами могли бы выбирать, что нам делать, а чего нет.

— Ты прав, друг Плюмаж, — согласился нормандец, — да только страсти нас губят.

— Игра — карамба![1] — вино...

— И женщины, — добавил Галунье, возводя глаза к небу.

Они ехали по долине Лурон вдоль берега Кларабиды. Впереди возвышался Ашаз, несущий, подобно огромному пьедесталу, массивные сооружения замка Келюс. Крепостных стен у него

[1] Черт возьми! *(исп.)*

с этой стороны не было. Старинный замок открывался от фундамента до конька крыши, и любители величественных видов обязательно сделали бы тут остановку.

Да, замок Келюс поистине достойно увенчивал эту чудовищную преграду, родившуюся, очевидно, во время какого-нибудь сильнейшего трясения земли, память о котором исчезла. Под мхом и кустарником, покрывавшими его фундамент, можно было распознать следы языческих сооружений, к которым явно приложили свою могучую руку римские легионеры. Но это были всего лишь остатки, а то, что возвышалось над землей, носило явные признаки романского стиля X и XI веков. По бокам главного корпуса с юго- и северо-запада стояли две башни, скорей приземистые, чем высокие. Крохотные окна, расположенные над бойницами, не имели никаких украшений, и оконные арки опирались на простые пилястры безо всякой резьбы. Архитектор позволил себе единственное излишество — нечто наподобие мозаики. Обтесанные, симметрично расположенные камни перемежались с выступающими кирпичами.

Таков был первый план, и суровость его пребывала в полнейшей гармонии с наготой Ашаза. Но за прямолинейными очертаниями главного здания, которое, казалось, было построено Карлом Великим, виднелось скопление остроконечных крыш и башенок, и все это амфитеатром располагалось на склоне холма. Донжон, высокая восьмиугольная башня, завершающаяся византийской галереей с аркадами в форме трехлистных пальметок, возвышался над этим скопищем кровель, подобный великану среди карликов.

В округе поговаривали, что замок этот куда древней самих Келюсов.

Справа и слева от обеих романских башен видны были углубления. Тут кончались рвы; когда-то они здесь были перегорожены стенами для удержания в них воды.

За северным рвом виднелись среди буков последние дома деревни Таррид. В центре высился шпиль церкви, построенной в начале XIII века в готическом стиле, со спаренными окнами и сверкающими витражами в гранитных пятилистниках.

Да, замок Келюс был дивом пиренейских долин.

Но Плюмаж-младший и брат Галунье не отличались вкусом к изящным искусствам. Они продолжали свой путь и ежели бросали взгляд на угрюмую цитадель, то лишь для того, чтобы прикинуть, сколько им еще ехать. По прямой их отделяло от замка Келюс не больше полулье, но необходимость огибать Ашаз угрожала им еще добрым часом пребывания в седле.

Плюмаж, наверное, был приятным спутником, когда карман его оттягивал туго набитый кошелек; простодушно-лукавая физиономия Галунье свидетельствовала, что ему обыкновенно присуще хорошее настроение, но сегодня оба пребывали в унылом расположении духа, и на то у них имелись причины.

Таковыми были пустой желудок, пустой кошелек и перспектива, вероятней всего, опасной работы. От такой работы можно отказаться, когда в кармане у тебя звенят деньги. К несчастью для Плюмажа и Галунье, страсти пожрали все их достояние. И вот Плюмаж задумчиво произнес:

— Ризы Господни! Больше никогда не прикоснусь ни к картам, ни к стакану.

— А я навсегда отказываюсь от любви, — пообещал чувствительный Галунье.

И оба принялись строить добродетельнейшие планы, как они распорядятся своими будущими деньгами.

— Я куплю полную экипировку, — объявил с энтузиазмом Плюмаж, — и поступлю солдатом в роту нашего Маленького Парижанина.

— Я тоже стану солдатом, — подхватил Галунье, — или слугой полкового лекаря.

— Из меня получится неплохой королевский стрелок.

— Полк, в котором я буду служить, может быть уверен, что уж кровь-то я буду пускать как надо.

И оба продолжали:

— Мы снова увидим Маленького Парижанина! И иногда сможем уберечь его от нападения!

— Он снова будет называть меня стариной Плюмажем!

— Опять, как когда-то, будет подшучивать над братом Галунье!

— Гром и молния! — воскликнул гасконец и в возбуждении весьма чувствительно огрел кулаком свою клячу, которая никак

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ПОЛЬ ФЕВАЛЬ

ГОРБУН, ИЛИ МАЛЕНЬКИЙ ПАРИЖАНИН

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова
Корректоры Людмила Дубовая, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 22.10.2026.
Формат издания 60 × 88 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 47,04. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербор қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: https://certification.atticus-group.ru/

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MPB-44865-01-R